№ 16-17 (18-19)
ноябрь 2007 г.

Глуская ПАНОРАМА

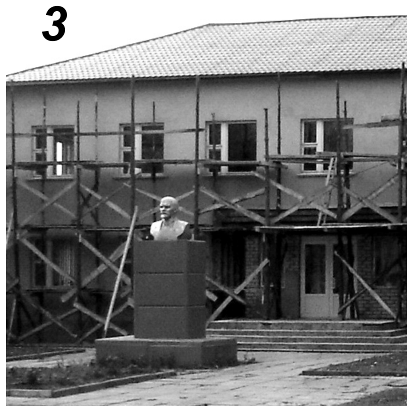
Общественно-политическая газета

ИДЕМ ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ

В 90-ю годовщину октябрьского переворота глуский райисполком вместе с районным советом депутатов со страниц райисполкомовской газеты обратились с праздничным поздравлением к жителям района. Глущанам пожелали крепкого здоровья, счастья, семейного благополучия и долгих лет жизни. Оставшиеся в живых коммунисты, которых верной дорогой Октября, дорогой борьбы и свершений попрежнему ведет секретарь парторганизации, а по совместительству управляющий делами райисполкома Павел Евпак, возложили цветы к бюсту вождя мирового пролетариата и приняли в свои ряды бывшего секретаря райкома партии Тамару Матусевич. Уже не в центре Глуска, как бывало раньше, приходится проводить свои церемонии пламенным борцам за счастье народа. Гипсовый вождь, который указывал рукой на райком партии, где теперь допрашивают преступников, развалился три года назад. Остался только его бюст на окраине, около входа в здание МПМК-249. Но любителям разрушать всё до основанья пока, как ни в одной другой стране, пре-

доставляется право не ходить на работу, чтобы как следует отметить свой праздник. Верной дорогой идем, товарищи?

Игорь Кирин. Фото автора.

На снимках:

1. Улица Кирова. 7 ноября 2007 г.

2. Снос памятника Ленину в центре Глуска. 1 марта 2004 г.

3. Бюст Ленина около МПМК-249. 25 октября 2007 г.

ГЛУСКАЯ ИСТОРИЯ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ "7 ДНЕЙ"

В № 43 газеты "7 дней" за 25 октября 2007 г. в рубрике "Регион, события, люди" две страницы посвящены Глускому району. Материалы разворота подготовили Герман Москаленко и Сергй Кулягин. В этой рубрике размещены вступительная статья председателя райисполкома А. Багеля, материалы о Глуском лесхозе, молочно-товарном комплексе в СПК "Колхоз "Славгородский", Глуской детской школе искусств, Глуской районной гимназии, а также о районной больнице. Две отдельные статьи посвящены в целом Глускому району, его прошлому и настоящему. Каждая статья разворота сопровождается цветной фотографией. Можно было бы только радоваться такому вниманию, проявленному республиканской газетой к району. Но, к сожалению, как это уже стало недоброй традицией в публикациях об истории Глуского района, не обошлось без ошибок и на сей раз.

Так, в заметке "Исторические хроники" указано:

Дата основания Глуска - 1396 г. Первым его владельцем был Иван Гольшанский, сын которого Юрий Думбровицкий построил в Глуске деревянный замок.

В 1552 г. владельцы этих земель получили от великого князя Литовского Сигизмунда I Старого право проводить здесь ярмарки. Через восемь лет сестры Настасья и Софья Гольшанские разделили Глуск поровну.

Глусский замок существовал в XVI-XVII веках. Он размещался на возвышенности на правом берегу реки Птичь, на месте городища эпохи раннего железного века и Киевской Руси.

Но когда был основан Глуск, до сих пор точно неизвестно.

7 дней • 25 октября 2007 г. • № 43

Исторические хроники

Первые поселения человека на территории района появились в III-IV тысячелетиях до н.э., о чем свидетельствуют 24 памятника археологии и 2 историко-культурных памятника.

Дата основания Глуска — 1396 год. Первым его владельцем был Иван Гольшанский, сын которого Юрий Думбровицкий построил в Глуске деревянный замок.

В 1552 году владельцы этих земель получили от великого князя Литовского Сигизмунда I Старого право проводить здесь ярмарки. Через восемь лет сестры Настасья и Софья Гольшанские разделили Глуск поровну.

Глусский замок существовал в XVI — XVIII веках. Он размещался на возвышенности на правом берегу реки Птичь, на месте городища эпохи раннего железного века и Киевской Руси. Как свидетельствуют исторические источники, в XVI в. Глусский замок был окружен земляным оборонным валом с деревянными стенами, укреплен деревянными башнями. В замок можно было попасть по подъемному мосту через въездную башню-врата. Замок являлся важным стратегическим оборонным пунктом на пути возможного нападения крымских татар в конце XVI в., казацких загонов в середине XVII в., во время войны России с Речью Посполитой 1654-1667 гг. Упадок замка приходится на конец XVIII в.

В 1667 году в Глуске построили костел и монастырь монахи-бернардинцы. В 1775 в местечке случился сильный пожар, и почти все его постройки сгорели.

Глусское графство принадлежало Радзивиллам, но в 1793 году в результате раздела Речи Посполитой его земли вошли в состав России.

Бюст дважды Герою Советского Союза Степану Шутову.

С 1938 года Глуск получил статус городского поселка.

С июня 1941 по июнь 1944 гг. район оккупировали немецкие захватчики, которые уничтожили около 3 тыс. граждан. Освобождали район войска 1-го Белорусского фронта.

В послевоенные годы Глуск был восстановлен и отстроен.

Глусскую землю прославили многие выдающиеся деятели: известный художник XVII — XVIII веков, один из родоначальников белорусской литературы Альгерд Абухович, поэты С. Граховский, Я. Бобрик, композитор В. Иванов, профессор Европейской академии художеств В. Захаринский.

Дошедшие до нас первые летописные упоминания о Глуске относятся к 1396 г., когда, как это говорится со ссылкой на неупомянутые документальные источники 1379-1401 г.г. в книге "Память. Глускі раён" (Мінск, БЕЛТА, 1999, с. 45) Глускую волость получил во владение князь Иван Гольшанский.

Подтверждение этому есть и у В. Носевича в статье "Глуская воласць" (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.3. Мінск, "Беларуская энцыклапедыя" імя Петруся Броўкі, 1996; "Глуская зямля: дыялог з гісторыяй", 1999, с. 80), который указывает, что в конце XIV века Глуская волость принадлежала князю И. А. Гольшанскому.

После смерти князя Ю.С. Гольшанского (1457 г.) волость была разделена между его сыновьями Семеном, Иваном, Александром и дочерью Анной. Центром владения Ивана стало поселение (позднее Глуск-Дубровицкий). Его сын Юрий, стремясь сделать свое владение в Глуской волости компактным, произвел несколько замен с другими владельцами.

5 мая 1480 г. великий князь литовский и король польский Казимир Ягайлович предоставил минскому купцу Луке Терешковичу право беспошлинной торговли в Глуске, о чем свидетельствует грамота, текст которой приведен в книге "Память. Глускі раён" (с. 48).

В 1501 г. Глуская волость и "двор" принадлежит князю Григорию Ивановичу Юревичу. Затем владельцами этих мест становятся князья Дубровицкие. Об этом говорится в книге "Память. Глускі раён" (с. 45).

При этом следует учитывать тот факт, что в истории Глуска существовало два поселения с таким названием.

Первоначально Глуском называлось поселение, существовавшее на месте нынешней деревни Городок. Как указано в статье И. Ганецкой "Глускі замак. Гісторыя аднаго помніка ў асобах" (Беларускі гістарычны часопіс № 9, 2006, с.22), в

1570 г. старый Глуск сгорел, и с тех пор стал называться Глуском Погорелым.

Под этим названием (Hlusko pohorijle) он фигурирует на карте Великого Княжества Литовского Т. Маковского (1613 г.) ("Глуская зямля: дыялог з гісторыяй", 1999, с. 87).

Позднее ниже по течению реки Птичь на месте нынешнего Глуска появилось поселение под названием Глуск Дубровицкий. Оно также обозначено на этой карте (Hlusko dubroviczkie).

В статье А. Грицкевича "Глуск" (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.3. Мінск, "Беларуская энцыклапедыя", 1996) говорится о том, что в середине XV в. северной частью Глуской волости и старым Глуском (позднее Глуск Погорелый) владел С.Ю. Гольшанский, а центром владения И.Ю. Гольшанского стало поселение Глуск Дубровицкий, на месте которого и находится современный Глуск.

В книге "Памяць. Глускі раён" (с. 48) приводится текст грамоты великого князя Великого Княжества Литовского и короля Польши Жигимонта I Старого об основании Глуска и предоставлении права торговать в Глуске князю Юрию Ивановичу Дубровицкому, датированный 20 декабря 1522 г.

Вероятнее всего, с этого времени и начался отсчет современного Глуска. Это предположение подтверждается и данными археологических исследований Глуского замка, проводимых с 1996 г. под руководством кандидата исторических наук И. В. Ганецкой, в ходе которых найденные культурные слои датированы не ранее, чем первой половиной XVI века.

Князь Юрий Иванович Гольшанский основал в Глуске деревянный замок. В 1525 г. он получил от великого князя Великого Княжества Литовского и короля Польши Жигимонта I Старого право проводить в Глуске ярмарки.

Об этом говорится в статье А. Грицкевича.

Таким образом, несмотря на то, что в древней истории Глуска есть некоторые неясности, утверждение о том, что датой основания нынешнего Глуска является 1396 год, вряд ли соответствует действительности. Этому факту нет подтверждения в сохранившихся документах. Скорей всего, эту дату было бы правильнее отнести к старому Глуску, поселению, существовавшему на месте нынешней деревни Городок, и позднее имевшему название Глуск Погорелый.

Также не совсем верно считать, что первым владельцем Глуска был Иван Гольшанский, так как в книге "Памяць. Глускі раён" (с. 45) говорится, что Глуская волость считалась великокняжеским владением, и в 1396 г. ее получил во владение князь Иван Гольшанский. То есть до Ивана Гольшанского волость принадлежала великому князю Великого Княжества Литовского, которым в то время был князь Витаут (1392-1430) и который и был, судя по дошедшим до нас сведениям, первым владельцем старого Глуска.

Приставку Дубровицкий к своей фамилии Иван Юрьевич Гольшанский получил после того, как после смерти своего отца Юрия Семеновича Гольшанского (1469 г.) ему отошла Дубровица (Дубровицкое княжество (Украина) вместе с Глуском и Поречьем получил в свое время от великого князя литовского Витаута Иван Альгимонтович Гольшанский, прадед Ивана Гольшанского). Иван Гольшанский стал основателем отдельной ветви рода - князей Гольшанских на Дубровице, или Дубровицких.

Об этом говорится в статье И. Ганецкой "Глускі замак. Гісторыя аднаго помніка ў асобах".

Именно князь Юрий Дубровицкий (около 1480-1536 г.г.), а не Думбровицкий, как указано в заметке, сын князя Ивана Дубровицкого (в 1508-1510 г.г. - киевского воеводы) основал в своей главной вотчине замок и добился привилегий как для себя, так и для населения, которое тут проживало.

Юрий Дубровицкий получил от великого князя Великого Княжества Литовского и короля Польши Жигимонта I Старого право проводить в Глуске ярмарки не в 1552 г., как указано в заметке, а в 1525 г., как сказано в вышеупомянутой статье А. Грицкевича со ссылкой на соответствующую грамоту.

Что касается раздела Глуска между Настасьей и Софьей Гольшанскими, упоминаемый в заметке, то такой факт действительно имел место в глуской истории. Но это событие произошло несколько раньше, чем указано в заметке (в соответствии с которой раздел был произведен в 1560 г.).

После смерти основателя Глуска Юрия Гольшанского-Дубровицкого Глуск отошел его сыновьям Янушу и Владимиру.

После смерти Януша (1545 г.) и Владимира (1549 г.) Глуск-Дубровицкий перешел по наследству Семену Юрьевичу, сыну Юрия Гольшанского-Дубровицкого от другого брака.

После смерти Семена Юрьевича (1556) и его жены Анны (1558) все его имущество разделили между шестью сестрами владельца Глуска. Этот раздел был утвержден 23 мая 1558 г. Именно тогда и произошел раздел Глуска и замка между сестрами князя Семена Настасьей и Софьей.

Об этом сказано в статье И. Ганецкой "Глускі замак. Гісторыя аднаго помніка ў асобах".

А относительно размещения замка на месте городища эпохи раннего железного века и Киевской Руси неутомимый исследователь глуской истории И. Ганецкая еще в 2002 г. в своей статье "Характарыстыка крыніц па вывучэнні глускага замка" (Castrum, urbis et bellum. РУПП "Баранавіцкая ўзбуйненая друкарня", 2002) сделала вывод о том, что археологические раскопки показали неоправданность таких категоричных утверждений.

Далее в заметке написано:

Глусскую землю прославили многие выдающиеся деятели: известный художник XVII-XVIII веков, один из родоначальников белорусской литературы Альгерд Абухович, поэты С. Граховский, Я. Бобрик, композитор В. Иванов, профессор Европейской Академии художеств В. Захаринский.

Альгерд Абухович - белорусский писатель, мемуарист, переводчик. Родился 25 июля (по старому стилю) 1840 г. в деревне Калатичи, которая тогда была в составе Бобруйского уезда. Умер 10 августа (по старому стилю) 1898 г. в Слуцке.

Эти сведения содержатся в таких изданиях, как "Беларуская энцыклапедыя" (Т. 1. Мінск, 1996, т.1, с.50), "Энцыклапедыя гісторыі Беларусі". (Т.3. Мінск, "Беларуская энцыклапедыя" імя Петруся Броўкі, 1993. С.22), "Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі" (Т.1. Мінск, выдавецтва "Беларуская энцыклапедыя" імя Петруся Броўкі, 1984, с.22).

Альгерд Абухович не был худож-

ником, как это указано в заметке. И жил не в XVII-XVIII веках, как там написано, а в XIX веке.

Печально, что "7 дней" в таком искаженном виде передает глускую историю. И распространяет подобные сведения тиражом более 41000 экземпляров по всей республике.

Игорь Кирин

У МЕНСКУ БЫЛА ЎШАНАВАНАЯ ПАМЯЦЬ СЯРГЕЯ ГРАХОЎСКАГА

У сераду ў Менску адбылася вечарына памяці пісьменьніка Сяргея Грахоўскага. На сустрэчы літаратары распавядалі пра тыя выпрабаваньні, якія прыпалі на долю творчай інтэлігенцыі ў сьценах "амэрыканкі", турмы КДБ ў часе палітычных рэпрэсіяў. Прысутныя памаліліся за ўсіх рэпрэсаваных у часы бальшавіцкага тэрору.

У залі міжнароднага адукацыйнага цэнтру (IBB) разьмясьціліся некалькі дзясяткаў чалавек, пераважна пісьменьнікаў, мастакоў, навукоўцаў, грамадзкіх дзеячаў. Пасьля кароткага выступу вядучай Вольгі Іпатавай, адбылася малітва, падчас якой называліся прозьвішчы рэпрэсаваных пісьменьнікаў.

Вольга Іпатава нагадала пра хвалю рэпрэсіяў 30-х гадоў супраць беларускіх пісьменьнікаў:

"Я не вінаваты. Словамі гэтага апошняга ў жыцьці вершу паэта Міхася Чарота, напісанымі на сьцяне турэмнай камэры, маглі б сказаць пра сябе ўсе яны, закатаваныя, замучаныя, зьнішчаныя бязьлітасным сталінскім рэжымам".

Дасьледчыца і пісьменьніца Лідзія Савік падзялілася сваімі ўспамінамі пра тое, як на пачатку 90-х, калі працавала ў архівах КДБ, спадзявалася знайсьці ў асабовых справах пісьменьнікаў іх творы. Яна распавядала, што замест гэтага знайшла толькі шматлікія акты пра спаленьне літаратуры:

"Расказвайце, пішыце, гаварыце, каб ня дай Бог, гэта не паўтарылася. Сяргей Грахоўскі ў сваіх творах таксама гаварыў пра гэта".

Сустаршыня Аргкамітэту ў справе ўшанаваньня ахвяраў сталінскага рэжыму Васіль Якавенка апавёў пра працу камітэту і бліжэйшыя пляны.

Радзім Гарэцкі, які прысутнічаў на вечарыне, лічыць, што такія сходы мусяць адбывацца часьцей, ня толькі ўвосень, напярэдадні Дзядоў:

"На вечарыне памяці Сяргея Грахоўскага ўспаміналі іншых пісьменьнікаў, навукоўцаў, мастакоў, якія загінулі ў тыя жудасныя сталінскія часы. Колькасьць гэтых людзей мы да гэтага часу ня ведаем. Мераем мільёнамі... Толькі беларусаў, як падлічваюць, паўтара мільёна".

Падчас прэзэнтацыі кнігі Сяргея Грахоўскага "Выбранае" усе прысутныя маглі падыходзіць да імправізаванага музэйнага стэнду з фатаздымкамі рэпрэсаваных пісьменьнікаў і браць асобнікі часопісу "Рэха ГУЛАГу".

Любоў Лунёва, Менск
Радыё СВАБОДА 15.11.2007
www.svaboda.org

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЛУСКЕ

ЯКОВ ЛИВШИЦ

ПЕРЕВОД С ИДИШ СОЛА КРОНГЕЛЬБА

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Этот перевод по существу сохраняет первоначальный стиль автора и структуру. Некоторые русские слова и слова на идише были приведены без перевода, чтобы передать ощущение оригинала. Во многих случаях первоначальный текст передает смысл; когда это было необходимо, перевод добавлен в скобках.

Везде, где я смог, я добавил объяснительные сноски для некоторых из выражений, которые незнакомы современному английскому читателю. Я был особенно рад обсудить эту статью в 1980 г. с кузиной моей матери, Рут Флакс (Ruth Flax), когда она была еще жива. Рут Флакс (nee Brum) роди-

лась в Глуске около 1905 г. и жила там, пока не уехала в США в 1923 г. Хотя эта статья, судя по всему, описывает Глуск еще до того времени, как там появилась Рут Флакс, она вспомнила многих людей и сведения, приведенные в статье, и дала текущий комментарий по ходу текста. Инициалы R.F. в сноске указывают, что пояснение получено из записанных мной комментариев Рут Флакс.

Катона (Katonah), Нью-Йорк.
6 декабря 1999 г.

Глуск (1) был частью Бобруйского уезда [район]. Городок (Shtetele) (2) не имел никаких средств сообщения с внешним миром, кроме фургонов, которых было два вида: ломовики (lomovikes), то есть те, кто перевозил тяжелые грузы, и легковики (leygkovikes) - те, кто возил пассажиров в своих фургонах. Ломовики возили свои грузы два раза в неделю в Бобруйск и из Бобруйска, а легковики брали пассажиров три раза в неделю. Они набивали людей в свои повозки как сельдей в бочку, и, если кто-то оставался целым и невредимым после такой поездки, то можно было считать, что ему повезло (to bentch gomel) (3). У ломовиков была тяжелая работа. Дорога к шоссе длиной приблизительно 45 километров была песчаной, и только они были способны проделать этот путь со своими тяжелыми грузами. Имелось два маршрута. Более короткий путь к шоссе проходил через Городок. Там они делали остановку для отдыха лошадей и заходили в гостиницу Абадани (Abadanye) (4) за тарелкой приготовленных бобов с мясом и самоваром чая. В летние месяцы они использовали второй маршрут - через Ладвик (Ladvike), и выходили к шоссе у Багушовки (Bagoshovke).

В Глуске не было никакой промышленности. [Некоторые из] людей участвовали в озеленении и арендовали сады (5). Среди глущан были [также] коробейники, плотники, портные, каменщики, торговцы лошадьми и мясники (6). Каждое воскресенье они уезжали в dorfer [окружающие деревни] и возвращались назад к Шаббат (Shabbat). Большинство глуских евреев были владельцами магазинов.

В центре Глуска был рынок с четырьмя рядами маленьких магазинов. На одной стороне рынка были оптовые склады (магазины), в которых продавали товары владельцам маленьких магазинов. Владельцы маленьких магазинов вынуждены были сидеть целую неделю, не заработав и пенни, и ждать

Глуск. Костел бернардинцев.
Фото 1930-х годов.

воскресенья, когда крестьяне приходили в городок (shtetl), чтобы сходить в костел, который стоял на самом красивом месте в Глуске, окруженный валом и красивым забором. В костеле был прекрасный орган, и poritzim [владельцы земли] из окрестностей привозили в церковь лучших органистов из Польши. Евреи не интересовались католической литургической музыкой; однако, они часто слушали красивые мелодии, которые доносились из церкви.

Глуск. Улица Шоссейная (в настоящее время - Советская).
Фото из книги Вячкі Целеша "Гарады Беларусі" (Мінск, "Беларусь", 1998)

В воскресенье крестьяне приносили свою продукцию, чтобы продать ее (древесину, домашнюю птицу, телят, лен, высушенные кожи животных, сыр, масло и т.д.) и покупали все, что было нужно для своих домашних потребностей у владельцев магазинов города. С оставшимися деньгами они останавливались в таверне, заказывали тарелку таранки (7) и чай, и завершали все флягой виски. Весьма часто они напивались пьяными и устраивали небольшие погромы на рынке. После этого владельцы закрывали свои магазины, и из ниоткуда внезапно появлялись наши уважаемые мясники - Пиниех Тамара (Pinyeh Tamara's), Мотель Елия Нахум (Motel Elyeh Nakhum's), Майер Ноах Лапат (Mayer Noah Lapate's) (8) вместе с парой глуских конюхов [торговцев лошадьми]. И если этих людей было недостаточно, чтобы успокоить пьяниц, тогда звали конюха Мотку Айзера (Motke Ayzer). И этот Мотка, ширококостный, высокий, красивый еврей-гигант, перед которым дрожали все окрестности, приходил со своим studded кнутом, издавал крик "Разойдись! "["Уйдите "], и начинал крушить черепа. Язычники быстро седлали своих лошадей, и в течение десяти минут от них не оставалось и следа.

Следует рассказать о способностях Мотки. Он был тихим человеком. За один присест мог съесть маленького гуся с фунтом шкварок (griven) (9) с буханкой хлеба и квартой виски и выпить содержимое самовара, содержащего двадцать два стакана чая. Он держал лошадей, возил наличные деньги, путешествовал один ночью от деревни до деревни, и никто не беспокоил его. Однажды он приехал к poritz [землевладельцу] Дашкевичу (Dashkevitch) покупать лошадей. Когда землевладелец увидел Мотку, он сказал ему: "Я не продаю лошадей. Однако у меня есть бельгийская рабочая лошадь. Ты слывешь сильным человеком, так, что если ты поднимешь лошадь, я отдам ее тебе бесплатно". Вокруг стояло много крестьян и farmhands. Мотке подумал какое-то время, подошел к лошади, просунул свою голову между ляжками (forelegs) лошади, крякнул и поднял лошадь. Землевладелец сдержал свое слово и дал ему лошадь. Однако Мотке надорвался и получил грыжу, [но] никто не знал этого. Вся сельская местность боялась его.

II.

В Глуске было два раввина: Рав Барух Берл (Rav Baruch Berl), Hassidic раввин, который позже стал, как я слышал, главой Слабодки Ешива (Slabodka Yeshiva); и Рав Шмульке (Rav Shmuelke), Mittnagdish раввин. Имелось также два shochtim [ритуал slaughterers] - Реб Израиль (Reb Yisroel ShU " В (10) и его сын Реб Яков; и mittnagdish shochet, Реб Майерке (Reb Maierkeh), честный и прямой еврей, baal tefilah [специалист по молельной службе], которые служили в большой синагоге. Помимо большой синагоги, имелись четыре других синагоги на дворе (11) синагоги: alte shul [буквально, старая синагога], aristokratische shul [аристократическая синагога], новый Hassidic shtibl [маленький, Hassidic дом молитвы] у старой грязной дороги на Слободку (Slabodka), а также маленькая синагога портного.

Через Глуск текла река - маленькая река, но для Глуска этого было достаточно. Почти все глущане умели плавать. В пятницу практически весь город выходил на реку, чтобы купаться. Фургонщики даже приводили своих лошадей и купались вместе с ними.

В Глуске была баня. Банщиками были Itsche der beder [буквально, Ича (Itsche), дежурный бани] и его брат Мотель (Motel), еврей с беспорядочно торчащей бородой. Каждую пятницу весь город шел в баню, чтобы смыть накопившуюся за неделю грязь. Баня была примитивная с единственной духовкой (oven), которая состояла из сложенных камней. Горячую воду лили на камни. Густой пар поднимался вверх, и люди сидели на полу и парились каждый самостоятельно или один парил другого в сопровождении криков и стонов.

Глуск был известен своими двумя klezmer оркестрами. Один оркестр состоял из Майшкена (Maishkeh) klezmer, который сам был хороший скрипач, и трех или четырех других музыкантов, которые играли с ним. Обычно люди нанимали Майшкена, потому что он был более доступен и менее дорог. Другой оркестр был Реба Ёшки (Yoshke) klezmer. Его семейство было также klezmer.

Оркестр Реба Ёшки был известен по всей округе от Глуска до Бобруйска и Слуцка. Люди говорили о его игре с почтением. Он не просто играл, чтобы обеспечить музыку - его игра была божественна. Он написал мелодию, "Tkiot", которую играл перед знатоками музыки на свадьбах. Даже сегодня я не могу не поражаться, как человек, который не заканчивал консерваторию, был способен играть с такой силой и наслаждением. Мой отец, который был первоклассным baal tefilah [специалист по молельной службе] и хорошим певцом, называл его "великий идиш Паганини". Он в совершенстве владел своим инструментом и мог издавать такие звуки, как далеко не каждый музыкант. Это был маленький, худой еврей с небольшой бородой и с наростом на лбу, прикрытым волосами. Он жил на старой грязной дороге в маленьком, старом доме. Его первая жена умерла молодой и оставила его с пятью или шестью детьми. Он также имел четырех или пять детей от второй жены, так что в целом у них в семье было десять-двенадцать человек. Должно быть, он был отчаянно беден, несмотря на то, что у него было много студентов, а его жена имела маленький магазин. Он был заинтересован в том, однако, чтобы его дети получили образование. Его сын Хирш-Лаиб (Hirsh-Laib) закончил консерваторию в Варшаве и был приглашен в качестве первой скрипки в Варшавскую филармонию. Второй сын, всемирно известный тромбонист, уехал в Америку, где сделал большую карьеру. Третий, Шломке (Shlomkeh), был первоклассным скрипачом в Варшаве. Во время войны он возвратился в Глуск и был первой скрипкой в кавалерийском оркестре; он был убит на войне.

Оркестр Реба Ёшки (Yoshke) состоял из самого Реба Ёшки (первая скрипка); его сына Ичи (Itche) (вторая скрипка); его сына Шломке (Shlomkeh) (виолончель); его сына Шнеура (Shneur) (тромбон и корнет); пекаря Лазаря (Laizer) (флейта); портного Менделя (Mendel) (кларнет); и водителя фургона Реба Авраама (Avraham) (контрабас и барабан). Этот Реб Авраам был известен также как бадхн (badkhn) (тамада на свадьбе). Он приглашал к "добрыдзень" ("dobridziens") (приветствию гостей), к первому танцу, к благословению жениха перед церемонией. Играя на вечеринках, он про-

сил, чтобы собравшиеся гости вели себя спокойно и так далее.

Реб Авраам, барабанщик, водитель фургона, с окладистой бородой и слепой на правый глаз, был одарен абсолютным слухом и хорошо чувствовал музыку. Одного кивка Ёшки было достаточно для него, чтобы знать, как играть - форте или пианиссимо. Когда он играл на своем контрабасе на балу землевладельцев (poritz's ball), аккомпанируя во время вальса "На сопках Маньчжурии" ("Na Sopki Manchuria"), то не спускал глаз с Ёшки. И если все шло хорошо и обходилось без неодобрительных взглядов, на его лице расплывалась удовлетворенная улыбка.

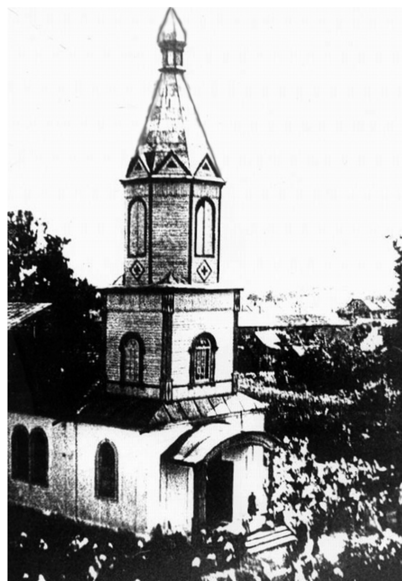
Свадьба в Глуске была важным событием. В соответствии с традицией, свадебная церемония проходила во дворе синагоги, и музыка сопровождала невесту с женихом к свадебному навесу и от него. Все в городе, и молодые, и старые, тянулись вслед. Перед началом церемонии, когда они играли dobridzien (приглашающую музыкальную мелодию) для невесты и для жениха, Реб Авраам закрывал свой единственный глаз и провозглашал: "Красивый "добрыдзень" (dobridzien) для нашей дорогой невесты и дорогих родственников и соседей! Клезмер (Klezmer), бери инструменты в руки, и играй!" И тогда клезмер играл красивый волачел (volachel) (своего рода танец), который согревал сердце. Невеста заливалась горячими слезами, так же, как матери невесты и жениха; даже отцы с крепкими нервами неприметно стирали слезу. Главное событие, однако, происходило во время свадебного застолья. Если Ёшка знал, что среди посетителей имелся знаток музыки, он позволял своим длинным, тонким пальцам танцевать по струнам, извлекая самые touchingly страстные звуки. Скрипка начинала петь и говорить с состраданием в сердце. Все затаивали дыхание, поскольку слышали трели, которые были гораздо красивее, чем соловьиные. Я не думаю, что какая-либо птица могла подражать его игре. Говорят, что этот простой еврей и большой артист остался без средств, чтобы поддержать себя в старости. Позже его дети привезли его в Америку, где он умер (12).

III

Глуск был погружен в грязь в течение трех четвертей года. Только одна улица проходила через него, и люди назвали ее "Die shosayne gass" (шоссейная улица). Эта улица была отведена для различных мероприятий городской жизни, проходившим как по пятницам и праздничным ночам, так и в течение года. Это было место встречи для влюбленных пар, членов сионистских объединений и членов Бунда. Сионисты были в меньшинстве, потому что все ремесленники, такие, как мастера по изготовлению упряжи, плотники, каменщики, кузнецы, портные, сапожники и т.д. принадлежали к Бунду. Бундовские ораторы приезжали сюда из Бобруйска и пропагандировали. Деятельность сионистов была очень слаба. После смерти доктора Херзла (Herzl), мы, сионисты, созвали памятное собрание в аристократической синагоге (Aristokratische Shul). Бундовцы пришли в синагогу (shul) и сорвали собрание. Они влезли в синагогу (shul) через разбитые окна, и много людей было ранено. Когда прибыли царский уполномоченный с полицейским и сторожем Аврамке (Avramkeh), воюющие стороны утихомирились за пять минут, но собрание было сорвано.

Глуск не был похож на другие города, где проводилось много ярмарок. Только одна ярмарка в год проводилась в пятницу перед Шевиотом (Shavuot), которая продолжалась, как все говорили, полдня. Этот ежегодный рынок назывался "Пяцинке" ("Piatzinkeh") и собирался в пяти верстах (13) от города за Слабодой (Slabodeh) (14). Подготовка к ярмарке длилась целый год. Крестьяне из окрестностей, а также из Глуска прибывали в четверг вечером, чтобы установить свои палатки, и спали ночь там, потому что торговля начиналась перед рассветом. Люди начинали уезжать к полудню из-за Шаббата (Shabbat).

Важно упомянуть военных призывников из Глуска. Каждый год после Суккот (Succoth) все рекруты в Глуске должны были прибыть в волость (volost) в Глуск (15), чтобы предстать перед комитетом, который определял, пригодны ли они для военной службы. В одном отношении это (воинская повинность) было хорошо. Новобранцы (novobrantzes) приносили доход (16),

но нередко они устраивали погромы... Тогда еврейских призывников "привлекали к работе" - специальными толстыми палками они проламливали несколько голов язычников, порядок восстанавливался [и] язычники-новобранцы (novobrantzes) боялись даже сунуть свои носы. Еврейские призывники участвовали и в другой деятельности помимо восстановления порядка. Они шли к забракованным рекрутам, которые, случалось, получали белые билеты (17) и требовали деньги от них на ликер (liquor) под предлогом, что они [призывники] служили в царской армии вместо того или другого [забракованного рекрута]. Они пропивали собранные деньги у [место] невестки антрепренера Реба Ичи Фишмана (Itche Fishman), вдовы Леба (Liebe). У нее обычно был хороший жареный гусь, фаршированные derma, желудки и другие деликатесы. Это был частное заведение, но любой мог здесь всегда получить хорошую порцию ликера.

Торговцы лошадьми из Глуска были уникальной группой. Их можно было узнать за милю - длинные волосы до шеи, подобно российским крестьянам, и чисто выбритые. Торговец лошадьми всегда нес кнут с хорошей дубовой ручкой (полезный в случае любой неприятности.)

Всю неделю, за исключением воскресенья, они слонялись вокруг без работы, и "торговля" была в гостинице Лебы (Liebe, die kop) (18). Там они получали виски с порцией рыбы и хороший свежий рулет. Там

они также играли в карты. Леба предоставляла кредит и записывала его в бухгалтерской книге.

Язык торговцев лошадьми был постижим только ими: "старуха", "орел", "жених", "невеста" - это были категории лошадей. Торговля велась с крестьянами из окрестностей. Каждое воскресенье крестьяне приезжали, чтобы торговать лошадьми, и при обмене крестьянин должен был всегда платить несколько рублей, и эти несколько рублей были чистой прибылью. Крестьяне любили торговать лошадьми. В действительности очень часто случалось, что после пяти или шести обменов у крестьянина оказывалась снова его собственная лошадь.

Торговцы были большими специалистами в подготовке лошадей для продажи: украшали их, мыли их безупречно, завязывали хвост в узел и связывали его со шнуром, вплетали в гривы куски красного материала, промывали глаза уксусом, смешанным с водой. Главная задача состояла в том, чтобы придать зубам хороший вид, зубы у старой лошади уже становятся изношенными и гладкими. Когда появляется эксперт, чтобы оценить лошадь, он выдвигает язык изо рта лошади и ощупывает зубы пальцем. Если он находит, что зубы гладкие, это признак того, что лошадь является старой. Но торговцы лошадьми имели "партнера" - муфкера (mufker) [буквально, безнравственный человек] или, как они называли его, "зубного доктора". Муфкер брал маленький треугольный напильник, который применялся для заточки пилы, и делал метки в зубах лошади так, что нельзя было различить измененные и подлинные зубы. Бедную лошадь так били по животу кнутовищем (чтобы признаки возраста не были видны), что она готова была выпрыгнуть из своей собственной шкуры. Кроме того, они вливали флягу виски в воду, чтобы опьянить лошадь. Когда ее приводили на рынок, торговец лошади держал уздечку левой рукой и давал ей пару хороших ударов время от времени правой рукой так, что во время осмотра лошадь действительно летела как стрела из лука, и дело заканчивалось за десять минут. Только когда крестьянин возвращался домой, он видел, в какую ловушку попал. Несколькими неделями позже крестьянин возвращался на рынок и подходил к торговцу лошади: "Эй, konyokh, davai pobitaiem konyi", то есть: "Эй, торговец лошадьми, давай торговать снова".

Примечания:

1. Настоящее название - Glussk.
2. Shtetele - уменьшительное от shtetl и подразумевает маленький shtetl. Согласно российской переписи 1897 г., население Глуска было 5328 человек, из которых 3801 составляли евреи.
3. Гомель (Gomel) - благословение, которое традиционно получал в синагоге человек, поправившийся от серьезной болезни или переживший опасную ситуацию. To bentch gomel значит представить ритуал получения этого благословения.
4. Абадани (Abadanye) - имя женщины, которая управляла гостиницей. (R.F).
5. Человек, который арендовал сад у землевладельца на сезон и продавал урожай.
6. На идиш Hlusker, как используется здесь - существительное, означающее жителей Глуска. Его использование в выражении Hlusker глуские евреи в последнем предложении этого параграфа - как прилагательное, чтобы обозначить тех евреев, которые были жителями Глуска.
7. Таранка (taranes) - вид плоской рыбы, которую сохраняли с помощью сушки и засолки. (R.F).
8. Имена, под которыми были известны мясники. Имя родителя или имя супруга (супруги) часто использовалось для того, чтобы идентифицировать человека, особенно когда не один человек в городе имел то же самое имя. Таким образом, Pinyeh, возможно, был сын Тамары или муж; Мотель мог быть сын Елиеха Начума (Мотель Елиех, сын Начума - также допустимая интерпретация); и т.д.
9. Griven - свежая, хорошо - коричневая кожа цыпленка или гуся, которая остается, когда жир вытоплен. Она также называется gribenes.
10. A shochet - человек, который режет животных в соответствии с еврейскими законами kashrut; bodek - тот, кто осматривает внутренние органы, чтобы определить, что зарезанное животное удовлетворяет требованиям kashrut. ShU " B - транслитерированный акроним / сокращение для еврея Шокета v'bodek и обозначает человека, который является как Shochet, так и bodek.
11. Все синагоги в Глуске были расположены вокруг большого участка (tract) земли, который был известен как двор синагоги. (R.F).
12. Реб Ёшка (Yoshke) похоронен на одном из участков глуской общины на кладбище Baron de Hirsch, Staten Island, Нью-Йорк (R.F).
13. Верста (viorst) - российская мера расстояния, равная приблизительно 3500 футов (около километра)
14. Слабода (Slabodeh) - была длинная улица в Глуске. (R.F).
15. Волость (volost) - эквивалент графства. Здание офиса графства, где доктора исследовали новичков, было известно как volost. (R.F).
16. Те, кто призывались, назывались новобранцами (novobrantzes). (R.F).
17. Белый билет представляло собой свидетельство, которое подтверждало, что человек освобожден от военной службы. (R.F).
18. Это та же самая Liebe, упомянутая выше как "Reb Itche Fishman невестка антрепренера, Liebe вдова". Она была также известна как Liebe die kop (буквально, Liebe, голова). (R.F).

http://www.jewishgen.org/yizkor/bobruisk/byb764.html

Перевод с английского И. Кирина.

Желающих регулярно получать «Глускую панораму» просим сообщить об этом в редакцию газеты.

№ 16-17 (18-19)
ноябрь 2007 г.

Глуская ПАНОРАМА

Общественно-политическая газета.
Выходит с июля 1998 г. Редактор - Игорь Кирин.
Адрес для писем: 213879, г.п. Глуск, ул. Кирова, 43-18.
Тираж - 200 экз. Тел. 41522. E-mail: glu-cl@mail.ru
http://hot.ee/glusk